

— Я хоть раз тебя обманывал? — хитро протянул Цзян Цинъянь. — Если считаешь, что одного мало, я поймаю ещё парочку, чтобы ты в полной мере ощутил, каково это — быть Системой Императора.

— Ну, до этого доводить не стоит. — Система смущённо почесала в затылке и с надеждой добавила: — Одного вполне хватит. Лишь бы мы могли найти общий язык, я не жадный.

— Однако... — Цзян Цинъянь нахмурился. — Система обычно вселяется в сознание носителя. Моя духовная сила подавлена, я не могу её использовать. Как мне тогда распознать чужака?

— Я умею отслеживать энергетические колебания, даже самые слабые, — Система, когда дело касалось её безопасности, проявляла завидную активность. — Любое действие другой Системы не ускользнет от моего контроля.

Цзян Цинъянь многозначительно произнёс:

— Тогда побеспокою тебя, будь начеку.

Король демонов и Система достигли гармонии в общении. Цзян Цинъянь был доволен, а Система — счастлива. Однако он был настолько увлечен тем, что вешал лапшу на уши своей Системе, что не услышал, как открылась дверь ванной.

Шэнь Ланьшу, стоя у окна с сигаретой, всё время прислушивался к звукам из ванной. Но прошло уже пять сигарет, а внутри стояла тишина. Его сердце тревожно сжалось. Он подошел к двери и постучал трижды. Ответа не последовало. Опасаясь, что что-то случилось, он решительно нажал на ручку и ворвался внутрь, на ходу воскликнув:

— Цинъянь, ты в порядке...

Слова застряли у него в горле.

В клубах пара вырисовывался стройный, но раскрасневшийся силуэт. Словно цветы в тумане или луна в воде, только вот это был не цветок и не луна, а...

— Я тебя не звал, зачем ты вошел?

Поняв, что кто-то вторгся, Цзян Цинъянь бросил на него ледяной взгляд. Он встретился с потемневшими глазами Шэнь Ланьшу. Вечерний ветерок ворвался через распахнутую дверь — даже в апреле было прохладно. Цзян Цинъянь недовольно нахмурился:

— Ещё не вышел?

Но в глазах Шэнь Ланьшу открылась совсем иная картина: распаренные горячей водой щеки были нежными и розовыми, словно покрытыми тонким слоем румян — соблазнительные и яркие. Даже его бледные губы выглядели такими алыми, будто их только что искусали или

расцеловали. Это было прекраснее закатного зарева, словно перед ним стоял маленький демон, искушающий душу.

Дыхание Шэнь Ланьшу сбилось. Удар, нанесенный этой сценой, был подобен взрыву бомбы прямо в голове — он оглох, ослеп и перестал что-либо понимать. К счастью, прохладный ветер из окна помог сохранить крупицу разума. Он с трудом отвел взгляд и хрипло произнес:

— Ты уже достаточно посидел в воде. Помочь тебе выбраться?

— Хорошо. — Цзян Цинъянь заметил странное поведение Шэнь Ланьшу, но не придал этому значения. Помимо того, что он привык к Шэнь Ланьшу за две прошлые жизни, он сам всегда относился к подобным вещам проще, к тому же это было не его настоящее тело.

Он был спокоен, а вот Шэнь Ланьшу пришлось несладко. Одно дело — смотреть на цветы сквозь туман, и совсем другое — коснуться кожи, вынимая человека из воды. Пальцы скользили по нежной коже, обхватывая бедра и поясницу — это было совсем не то, что переносить его в машину в одежде. Особенно когда капли воды, пропитавшие рубашку, казалось, проникали сквозь кожу прямо в его бешено бьющееся сердце.

В голову некстати полезли порочные сны. Его взгляд стал еще темнее, спина напряглась, но он старался смотреть прямо перед собой. Цзян Цинъянь, словно что-то почувствовав, вдруг поднял руку и прижал её к груди мужчины, где сердце колотилось, словно барабан. Он игриво усмехнулся, глядя на напряженную челюсть Шэнь Ланьшу:

— А ты довольно бодрый.

Шэнь Ланьшу застыл. Сцепив зубы, он подумал, что этот маленький искуситель явно играет с огнем! Но сам искуситель, не осознавая того, ещё и погладил его по груди, с любопытством добавив:

— Раз уж ты такой ленивый, что даже ходить не хочешь, откуда у тебя столько мышц?

Конечно, потому что...

Мысль, возникшая было в голове, оборвалась. Что — потому что? Он нахмурился, пытаясь додумать, но не смог. Отбросив сомнения, он бережно уложил юношу в кровать, укрыл одеялом и пошел задернуть шторы.

— Кстати, — Цзян Цинъянь, закончив дразнить его, вспомнил кое-что: — Когда будешь искать няню, найди заодно сиделку-мужчину, который разбирается в китайской медицине и массаже.

Раньше у Цзян Цинъяня была привычка ходить в медицинские центры на иглоукалывание и массаж, но после того как дедушка Цзян попал в больницу, с деньгами стало туго, и он перестал.

— Хорошо. — Шэнь Ланьшу отчаянно нуждался в сигарете, чтобы остыть, поэтому, задернув шторы, не оборачиваясь, бросил: — Пока надень мою одежду. Ли Сэнь привезет твои вещи позже, тогда и переоденешься.

Выйдя из комнаты и закрыв дверь, он наконец остался в тишине, но в голове автоматически прокручивалась только что увиденная сцена. Дыхание перехватило. Он подошел к балкону, раздвинул шторы — внизу, залитое закатным светом, лежало озеро, похожее на разгорающийся костер. Он смотрел на фонари вдоль дороги и дрожащими руками вытащил сигарету.

Зажигалка щелкала раз за разом, но он никак не мог прикурить — перед глазами постоянно стояли те влажные губы. Раздраженно вздохнув, он отложил сигарету и зажигалку, подумал и достал телефон. Ему срочно нужно было отвлечься.

Когда Цзян Цинъянь вышел, переодевшись, Шэнь Ланьшу как раз говорил по телефону. Услышав шорох, он обернулся и увидел юношу с покрасневшим лицом, который в его же рубашке подъезжал к нему на инвалидном кресле.

Черная шелковая рубашка была ему немного велика, что лишь подчеркивало его фарфорово-белую кожу. На кончиках волос ещё оставалась влага, пропитавшая воротник. Брюки от костюма были закатаны до середины икры, обнажая тонкие лодыжки и изящные, ровные стопы. Из-за того, что он почти не ходил, его ступни были даже нежнее и белее, чем у обычных людей — ни единой мозоли, словно очищенное яйцо. Возникло непреодолимое желание взять их и... укусить.

Эта мысль промелькнула лишь на мгновение, но её невозможно было прогнать. Он тряхнул головой, закончил разговор и шагнул навстречу.

— Через неделю я иду на аукцион. В ближайшие дни Ли Сэнь введет тебя в курс дела: расскажет о правилах и процедурах, а заодно поучит оценивать бриллианты.

Работа, которую он подобрал для Цзян Цинъяня, была продумана заранее. Помощников в делах ему хватало, а вот вне работы... Ли Сэнь работал на него двадцать четыре часа в сутки, и чтобы облегчить нагрузку на сотрудника, да и из-за постоянных звонков бабушки, он решил нанять Цзян Цинъяня в качестве личного секретаря. Это решило бы сразу две проблемы: сняло бы нагрузку с Ли Сэня и позволило бы привезти Цзян Цинъяня в Киото, чтобы успокоить старика.

Шэнь Ланьшу был доволен своим решением. Он присел перед юношей на корточки, заставив себя не смотреть на его ступни, и мягко произнес:

— Ближайшие дни я буду очень занят. Учись дома с Ли Сэнем, а через неделю составишь мне компанию на аукционе. Если что-то понадобится — звони мне или говори ему напрямую, хорошо?

Цзян Цинъянь кивнул:

— Значит, теперь я официально работаю на тебя?

— Да. — Шэнь Ланьшу слегка улыбнулся. — И зарплата идет с сегодняшнего дня.

Цзян Цинъянь, хлебнувший горя от нехватки денег, посмотрел на своего босса, который тратил их так щедро, будто был сказочным простаком, и искренне улыбнулся ему в ответ.

Как выглядит улыбка холодного и надменного человека? Словно на старой черно-белой фотографии внезапно проступили яркие краски — ослепительно и прекрасно. Словно цветок ночного кактуса, распустившийся в полночь — один миг, затмивший само время.

Беспокойное сердце Шэнь Ланьшу постепенно успокоилось. В этот момент он понял, что никакие драгоценные камни в мире не сравнятся с сиянием этой улыбки. И когда глубокой ночью он снова проснулся от сна, чувствуя липкость на теле, он не удержался и отвесил себе пощечину.

Скотина! — мысленно выругал он себя.

Шэнь Ланьшу сказал, что будет занят, и Цзян Цинъянь действительно его почти не видел. Тот уходил рано и возвращался поздно. По словам Ли Сэня, он уезжал в Жунчэн, где накопилось много работы, а ещё нужно было освободить время для субботнего аукциона.

Цзян Цинъянь, решив взяться за ум, с усердием принялся изучать оценку драгоценных камней.

— Существует семь этапов оценки бриллиантов: проверка игры света (огня), тактильные ощущения, температурный тест, тест на дыхание, капля воды, проверка граней и отражение света.

В первый же день Ли Сэнь прислал няню и сиделку — мужчину средних лет с крепкими мышцами. А также кучу дизайнерской одежды, заполнившей шкаф до отказа.

На второй день Ли Сэнь надел белые перчатки, достал из шкатулки два маленьких белых бриллианта, которые на глаз было не отличить, и взял лупу.

— Сегодня учимся определять игру света. Один из них настоящий, другой — подделка. Попробуй определить.

Игра света — это сияние бриллианта. Цзян Цинъянь взял лупу и посмотрел на правый камень. Под линзой тот переливался всеми цветами радуги. Левый же камень сверкал ещё сильнее, почти не уступая правому, что сбilo его с толку.

— Не можешь отличить? — Ли Сэнь, видя его колебания, указал на правый камень: — Этот настоящий. Внимательно посмотри на разницу.

Цзян Цинъянь присмотрелся. Действительно, в отличие от левого камня, чьи цвета были резкими, у правого игра света была мягче, с преобладанием синих оттенков, что делало сияние более живым.

— Это называется дисперсией. — Ли Сэнь объяснил на примере: — У искусственных камней дисперсия похожа, но игра света статична, она кажется жесткой. У настоящего камня она меняется быстро и гибко.

Он опустил оба камня в стакан с водой. Разница стала очевидной: настоящий камень продолжал сиять, а подделка потускнела.

Цзян Цинъянь разделил свой день на части: еда, сон, обучение, повторение, массаж и программирование собственного скрипта. К пятнице он освоил все семь методов.

Когда в три часа дня он проводил Ли Сэня, то решил повторить пройденное. Вечером, после ужина, сиделка дядя Чжоу помог ему принять ванну. Затем, обернувшись полотенцем, он отправился в комнату, временно ставшую массажным кабинетом. Когда Шэнь Ланьшу вернулся домой, Цзян Цинъянь уже полудремал на массажном столе.

Для Шэнь Ланьшу эта неделя была пыткой. Он работал допоздна, возвращался домой, чтобы лишь мельком взглянуть на спящего юношу. Наконец, закончив все дела, он вернулся раньше обычного. В доме было тихо. Шэнь Ланьшу, заметив свет в одной из комнат, понял, что там проходит массаж.

Он поднялся на второй этаж. Дверь была приоткрыта, лился мягкий оранжевый свет. Но картина внутри заставила его сердце упасть в пятки: юноша лежал на животе, прикрытый лишь полотенцем, кожа на спине отливала молочной белизной. А сиделка массировал его длинные, стройные ноги, то и дело приближаясь к самым бедрам.

Так вот как выглядит этот массаж!

Его лицо почернело. Он хотел было вскрикнуть, но сиделка обернулся, увидел его и, не прекращая движений, добродушно улыбнулся:

— Господин вернулся.

Шэнь Ланьшу проглотил слова, нахмурился и подошел ближе. Цзян Цинъянь спал, повернув голову набок. Он выглядел не таким холодным, как обычно, но сон его был беспокойным. Шэнь Ланьшу, не в силах оторвать взгляд, залюбовался им, словно боясь, что тот исчезнет, если он моргнет.

— Господин, присядьте, — сиделка пододвинул стул.

Шэнь Ланьшу кивнул и жестом велел сиделке уйти. Как только тот скрылся, из уст юноши

донеслось:

— Дядя Чжоу, разомни плечи и шею тоже.

Цзян Цинъянь засиделся допоздна за кодом, и шея затекла. Услышав шаги, он решил, что это сиделка. Но когда на шею легла горячая ладонь, он вздрогнул и резко открыл глаза. Увидев перед собой сдерживаемое лицо Шэнь Ланьшу, он нахмурился:

— Это ты? Где дядя Чжоу?

Шэнь Ланьшу ничего не ответил, лишь хрипло произнес:

— Лежи спокойно, я разомну плечи.

Цзян Цинъянь отвернулся и уткнулся лицом в подушку:

— Почему так рано вернулся?

— Сегодня пятница. — Пальцы Шэнь Ланьшу прошли по позвонкам, обхватив тонкую шею. Она была такой белой... Если оставить на ней красный след... Он представил, как на фарфоровой коже расцветает алый цветок, и дыхание перехватило.

Цзян Цинъянь, не подозревая о его мыслях, спросил:

— Ли Сэнь сказал, что ты любишь собирать бриллианты. На завтрашнем аукционе будут бриллианты?

— Да. — Шэнь Ланьшу смотрел на красные следы от своих пальцев на шее юноши. — В нашем кругу не секрет, что я коллекционирую камни. Завтра главным лотом будет красный бриллиант весом 513 карат.

Говоря о красном бриллианте, он посмотрел на пустую шею юноши.

По сравнению с редкими цветными бриллиантами, Шэнь Ланьшу больше любил белые. Но сейчас ему казалось, что красный идеально подойдет к этой холодной белой коже. Раз нельзя целовать — пусть будет красный бриллиант.

Он слегка ослабил хватку.

Цзян Цинъянь приподнял бровь:

— Ты меня щекочешь?

Шэнь Ланьшу потемнел взглядом. Аромат эфирного масла, исходящий от кожи, заставил его кадык дернуться. Он снова нажал на мышцы:

— А так?

— Сойдет. — Цзян Цинъянь не был придирчив, но добавил: — Не дави только на шею, плечи тоже разомни.

Этот тон, полный естественности, заставил Шэнь Ланьшу тихо рассмеяться. Любовь — дело личное, но человеческое сердце жадно: чем больше любишь, тем больше хочется обладать. Раньше он думал, что он асексуален, но теперь понял — просто не встречал того, кто затронул бы его душу.

— Спину нужно размять? — Шэнь Ланьшу, впервые делая массаж, неожиданно для себя вошел во вкус.

Вскоре Цзян Цинъянь уснул. Шэнь Ланьшу перестал массировать, полюбовался спящим, укрыл его одеялом и вышел, когда в кармане завибрировал телефон.

Звонил дедушка. Шэнь Ланьшу вошел в кабинет и ответил:

— Алло?

Из трубки донесся громовой голос:

— Ты, паршивец! Наконец-то соизволил ответить!

Шэнь Ланьшу поморщился:

— Деда, ну что ты такое говоришь? Я был занят в компании, не видел звонка.

На том конце раздался язвительный смешок:

— Не видел или сделал вид, что не видишь — сам прекрасно знаешь!

<http://bllate.org/book/19897/1958730>